



## ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 398+793.31 (=512.157)

### ЯКУТСКИЙ КРУГОВОЙ ТАНЕЦ *ОҺУОХАЙ* В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЯХ

*Татаринова Александра Дмитриевна*, магистр музыкального искусства, аспирант, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: sasha.sakha@mail.ru

В статье обозреваются труды дореволюционных авторов, в которых опубликованы этнографические и фольклористические сведения о якутском круговом танце *оһуохай*.

*Оһуохай* – это круговой танец якутов, преимущественно исполняемый во время национального праздника – встречи Нового года – *ыһыах*. В статье обозреваются работы русских и иностранных авторов, вышедшие с 1741 по 1911 год (дореволюционный период), в которых опубликованы сведения о якутском хороводе. В этих работах появились первые описания особенностей бытования танца (Я. И. Линденау, Н. С. Шукин, А. Ф. Миддендорф, И. А. Худяков, Р. К. Маак, В. Л. Серошевский, С. В. Ястремский), приведены вербальные тексты (А. Ф. Миддендорф, И. А. Худяков, С. В. Ястремский), отдельные нотные образцы (А. Ф. Миддендорф). Дореволюционные авторы якутский хоровод описывают в терминах русской и европейской фольклористики, но им удалось зафиксировать якутские термины. Так термин «үңкүү» встречается в трудах Я. И. Линденау и Р. К. Маака, в работе И. А. Худякова приводятся словосочетания «үңкүү үңкүүлүүллэр» (танцуют танец), «үңкүү тоһоһото» (гвоздь танца), которые также относятся к круговому танцу. В изученных источниках не встречается современное название кругового танца «оһуохай». Данное слово в варианте «эһикэй» впервые появится в 1947 году в труде Д. К. Сивцева «Саха фольклора» («Якутский фольклор»). Тем не менее источники второй половины XVIII – начала XX веков дают ценную информацию для изучения танцевальной традиции якутов.

**Ключевые слова:** якутский фольклор, *оһуохай*, круговой танец, фольклористика, этническая терминология.

### YAKUT CIRCULAR DANCE *OHUOKHAY* IN PRE-REVOLUTIONARY EDITIONS

*Tatarinova Aleksandra Dmitrievna*, Master of Musical Arts, Post-Graduate Student, M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sasha.sakha@mail.ru

*Ohuokhay* is a circular dance of Yakut people. This dance is mainly executed on a national holiday of New Year called *the Ysyakh*. This article considers publications of Russian and foreign authors from 1741 to 1911 (pre-soviet, pre-revolutionary period before 1917). These works contain the first information about the performance of Yakut circular dance (Lindenau, Shchukin, Middendorf, Khudyakov, Maak, Seroshevskiy, Yastremskiy), first examples of verbal texts (Middendorf, Khudyakov, Yastremskiy) and musical score (Middendorf). These authors used terms of Russian and European science for description of Yakut circle dance. But they were able to write down original national terms too. So the word “*üŋküü*” is found in the publications of Linde-

nau, Maak. Khudyakov commemorated word-combinations “*itungkiuiu itungkiuiuliullèr*” (dancing a dance) and “*itungkiuiu toňoğoto*” (the nail of dance), which also connected with the round dance. In these books, there is no such modern term as “*ohuokhay*.” This word as a variant “*eniekhey*” appears for the first time in 1947, in the work of D. Sivcev “*Sakha folklor*” (The Yakut folklore). Nevertheless, sources of the second half of the 18th-early 20th centuries contain valuable information for studying the dance traditions of the Yakut people.

**Keywords:** folklore of Sakha people, *ohuokhay*, circle dance, folkloristics, ethnic terminology.

История собирания и изучения якутского фольклора охватывает около 250 лет. На протяжении двух с половиной веков было собрано немало материалов этнографического, фольклористического и музыковедческого характера, что позволяет рассматривать те или иные виды и жанры фольклора в диахроническом аспекте. Вопросы становления и развития якутской фольклористики были подняты в работах Н. В. Емельянова [3; 4], Г. У. Эргис [20], Е. С. Новгородовой [13], В. М. Никифорова [12], В. В. Илларионова [6; 7] и Л. С. Ефимовой [5]. В рассмотренных работах основное внимание уделяется, главным образом, филологической фольклористике и этнографическим трудам (в том числе по народной хореографии). Перечисленные обобщенные историографические исследования не предполагают последовательного выделения информации об отдельных жанровых сферах якутского фольклора. В связи с этим особый интерес вызывает рассмотрение изучения кругового танца по историческим периодам. Особый интерес вызывает дореволюционный период изучения *ohuokhay*, который охватывает большой промежуток времени – с середины XVIII до начала XX века.

Дореволюционный период характеризуется тем, что многие записи были своего рода “замечками путешественников”, в которых в совокупности рассматривались не только этнография, фольклористика, но и география, флора и фауна региона и другие науки. Но среди этих “заметок” нередко встречаются содержательные наблюдения и соображения в области фольклористики. Первые образцы фольклора сделали историограф Г. Ф. Миллер и этнограф И. Г. Гмелин. Следующие записи принадлежат естествоиспытателю и этнографу Я. И. Линденау [2]. В его книгу «Описание народов Сибири», опубликованную только в 1983 году, вошли якутские материалы, собранные во время Камчатской экспедиции в 1741 году. Исследователь записал материалы этнографического и

исторического характера, оставив потомкам описание многих обрядов, сведения о быте и жизни якутов первой половины XVIII века, в частности, он упоминает круговой танец *Únchü* (үңкүү). Я. И. Линденау пишет, что данный танец исполняли по кругу «во время *Isöch'a* от мая до середины июня» [9, с. 36]. В этот период танец исполнялся большими группами мужчин и женщин в деревнях, в городе Якутске с вечера до утра каждый день без исключения. Танцующие брались за руки, образовывали большой круг и танцевали, подпрыгивая, со словами «*Ja i Süs su Bassa*», потом поворачивались в другую сторону и пели слова «*Ka a kaksu*» [9, с. 36]. В книге не приведены переводы этих строк, хотя многие якутские тексты исследователь сопроводил переводом. Возможно, это связано с тем, что он зафиксировал неперебиваемые рефренные слова. В настоящее время в круговом танце встречаются другие припевные неперебиваемые строки «*ohyo-ohyo ohyokai*, *эһиэ-эһиэ эһиэкэй*» и др.

В 1833 году выходит книга «Поездка в Якутск» Н. С. Щукина, которая представляет собой своего рода дневник путешествия из Иркутска в Якутск. В книге автор много страниц посвящает отображению жизни и быта, нравов и обычаев якутов. В описании праздника *ыһыах* (как пишет Н. С. Щукин, *Исэх*) есть информация о круговом танце: «К вечеру начинаются различные игры. Женщины, в лучших нарядах своих, становятся в круг; схватившись руками, так что пальцы одной сплетаются с пальцами другой, идут тихо по течению солнца, делая по три па все вдруг, и напевая каждая свое, так что в целом пение походит на школьное чтение, когда ученики твердят вслух свои уроки» [19, с. 205–206]. Н. С. Щукин отмечает, что мужчины в пляске не принимают участие, они заняты спортивными состязаниями. Примечательно то, что, по сведениям автора, в обряде кумысопития также есть разделение на мужскую и женскую группы. Иркутский краевед

также пишет о том, что у якутов нет песен с устоявшимися стихами, «а всякий поет что ему вздумается, соблюдая однако же определенную меру» [19, с. 207].

Самые полные тексты якутского фольклора оставил академик А. Ф. Миддендорф. В его труде 1878 года «Путешествие на север и восток Сибири» во 2-й части, в отделе 6 впервые публикуются вербальные тексты песен круговых танцев «Ысыах төгүлэ», «От-төгүлэ», «Мас-төгүлэ», «Бүлүү төгүлэ». Здесь же автор приводит некоторые наблюдения: «Музыка, сопровождающая их пляску, заключается в вышеописанных песнях и, судя по обрачику, который мне самому привелось видеть, прекрасно идет к ней, потому что пляска их состоит не в порывистом прыгании как у Тунгусов, а в повторении той торжественной поступи, которую мы видели у Самодийцев. Медленно и торжественно движется составленный круг; участвующие в нем, постоянно кланяясь, стараются привести себя в какое-то одуряющее головокружение, а запевала произносит свои воззвания, которые вся толпа подхватывает хором» [11, с. 808]. Далее А. Ф. Миддендорф публикует нотный образец танцевального напева, к сожалению, без подтекстовки. Собиратель отметил, что напевы танца легко узнаваемы, хотя могут иметь разные варианты.

Последующее изучение якутского народного творчества связано с деятельностью ссыльного русского революционера И. А. Худякова. За время пребывания в ссылке с 1867 по 1874 год он записал практически образцы всех жанров якутского фольклора, изучал язык и этнографию якутов. В своем труде 1869 года «Краткое описание Верхоянского округа» И. А. Худяков круговой танец описывает в главе «Игры». По описанию автора в круговом танце действуют организатор-мужчина и участники – мужчины и женщины, сам танец имеет шуточный и коммуникативный характер. Все участники встают в круг, держа друг друга за руки, в середину круга становится мужчина, которого в танце называют «гвоздем» (*уңкуу тоһоһото*). Круг начинает вращаться вокруг «гвоздя». Первым запекает песню самый лучший песельник, за ним повторяют все, когда песня закончится, певец поет следующую песню. Чем лучше певец – тем больше песен он знает.

«Гвоздь» оценивает всех вторящих и выбирает понравившегося участника. Если высокую оценку получила женщина, он может поцеловать ее в щеку, если мужчина – то «гвоздь» предлагает ему поцеловать ту женщину, которой, по его мнению, он достоин [18, с. 152]. В разделе «Ысыах (Праздник кумыса)» приводится также текст праздничного хоровода (слово «хоровод» автором взято в кавычки) и описание момента его исполнения: «Шаман открывает крышку у жбанов с кумысом, и тогда все начинают петь» [18, с. 269].

В 1890 году, уже после смерти Худякова, вышел его «Верхоянский сборник». Сюда вошли такие жанры якутского фольклора, как пословицы и поговорки, песни, якутские загадки, саги, сказки, русские сказки у якутов и русские сказки у русских. Якутские записи потом повторно будут напечатаны в 1918 году под редакцией Э. К. Пекарского под названием «Образцы народной литературы, собранные И. А. Худяковым». В этот сборник в разделе «Якутские песни» под пятым номером помещен очень интересный текст [17, с. 205–206]. Ни автор, ни редактор не комментируют данную песню (когда она поется, жанровое определение и др.). В оглавлении обоих источников первый номер имеет название «Импровизация девушки-якутки», номера 2–5 не обозначены, но, судя по тексту, эти образцы являются продолжением песни девушки. В пятом номере меняется исполнительский состав: в тексте появляются обозначения: «парень», «девушка» (солисты) и «девушки» (хор/ансамбль). На первый взгляд песню следует отнести к жанру *туойсуу ырыата* (диалогическая песня), однако, присутствие хора/ансамбля девушек несколько меняет жанровое определение. Возможно, данный образец является тем самым игровым хороводом, о котором писал И. А. Худяков в книге «Краткое описание Верхоянского округа»: во-первых, здесь есть солисты (парень и девушка) и хор, во-вторых, содержание песни имеет игровой и шуточный характер.

Следующие шаги по собиранию якутского фольклора сделал натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока Р. К. Маак. В 1887 году выходит его книга «Виллойский округ Якутской области», в третьей части которой даются сведения антропологического (внешний вид, болезни),

этнографического (верование, жилище, пища, одежда, хозяйственно-культурный тип), лингвистического и фольклористического характера. В разделе «Суеврия и религиозные празднества населения Вилюйского округа. Шаманство» автор достаточно подробно описывает кумысный праздник того времени в сравнении со старинным празднеством, представление о котором он получил со слов информантов. В этом разделе он пишет и о круговом танце: «На кумысных пиршествах бывают танцы, хотя они у якутов далеко не играют такой роли, как у многих народов. <...> Танцы начинаются женщинами в то время, когда мужчины заняты еще единоборством, скачкою и проч., и только впоследствии мужчины присоединяются к женщинам» [10, с. 115]. Далее Р. К. Маак описывает форму (круг), движение (по ходу солнца) и кинему («по временам торжественно кланяются, приподымают то правую, то левую ноги, отбивая ими по земле мерный такт и поют однообразным, протяжным носовым тоном: эгэй, эгэй, эгэй» [10, с. 115]) танца. Р. К. Маак также пишет, что танцы сопровождаются песнями, которые исполняются запевалами. Запевалы находятся в кругу вместе со всеми другими участниками. Он отмечает, что текст песен импровизационный, в основном это – «предметы растительного и животного царств, или оживающая природа, обилие и благосостояние домашнего скота и т. п.» [10, с. 116]. Исследователь обращает внимание на строение текста: «Каждая стопа начинается припевом эгэй и, после окончания ее запевалою, все окружающие подхватывают хором эгэй, эгэй, эгэй, выражая этим свое полное одобрение и сочувствие» [10, с. 116]. Здесь же он предлагает перевод часто встречаемого слова «эгэй», определяя его как междометие, и предлагает перевод как «нутка», «ай-люли». Р. К. Маак также указывает на якутское слово «үңкүү», что в переводе на русский обозначает «танец», и предлагает этимологию слова – от «үң», «үңэбин», которые переводятся как «нагибаться», «кланяться». Пение на кумысных праздниках продолжается до полуночи. Р. К. Маак подмечает, что якутские песни нелегко записывать, потому что каждую песню всегда поют по-разному, «с новыми вариациями и, если вы спросите, зачем они это делают, то обыкновенно получите в ответ "не знаю"» [10, с. 116].

Следующий исследователь, затронувший якутский музыкальный фольклор, это В. Л. Серошевский. В своем этнографическом исследовании «Якуты» 1896 года он практически не пишет о жанре кругового танца. Однако сделанное им описание хорового пения во время шаманского камлания является очень ценной информацией: «Настоящее хоровое пение я слышал всего один раз. Это было в Колымском округе во время одного торжественного шаманства. Зрелище вышло довольно необычное. Обряд совершался в глубоком мраке. Шаман вдруг резко оборвал игру на бубне и пририк движения к земле. После минутной паузы послышались удары огнива о кремень, сноп красных искр осветил мимолетным светом внутренность юрты, и одновременно в глубине зазвучал хор мужских голосов. Затем опять непродолжительная игра на бубне, опять – пауза, удары стали о камень, фантастический свет быстро тухнувших искр и в ответ дружный, мелодичный хор женских голосов. Пели в унисон» [16, с. 572]. Приведенное далее описание, вероятно, относится к бытовому пению: «Хором якуты поют чрезвычайно редко, да и то хор поет обыкновенно припев. Так поются хороводные песни, которые поет, собственно, стоящий в середине круга, а танцующие только подпевают» [16, с. 571–572]. Заметим, что подобный танец-игру описывал И. А. Худяков в книге «Краткое описание Верхоянского округа».

В статье «О якутской песне и певцах» В. Л. Серошевский пишет о том, что пение занимает большое место в жизни якутов. Каждый человек параллельно со своей работой поет песни. «Чаще всего это безыскусственные импровизации, тут же слагаемые и забываемые», – пишет Серошевский. Он также пишет о песнях, которые поются профессионалами. Это – «героические, любовные, описательные, игривые, плясовые, шаманские, религиозные и торжественные гимны» [15, с. 49]. О якутском хоровом пении в этой статье он не пишет.

В это же время другие жанры якутского фольклора рассматривали ссыльные Э. К. Пекарский и В. М. Ионов. Э. К. Пекарский начал привлекать грамотных якутов к своей деятельности. Таким образом, появляются первые собиратели-якуты Г. К. Оросин, М. Н. Андросов-Ионов, Р. Александрова.

В 1929 году выходит сборник по якутскому фольклору «Образцы народной литературы якутов» С. В. Ястремского. В книгу вошли первые полные тексты былины (*олоҕхо*), загадки, поговорки и пословицы, песни (*ырыа*), которые были собраны во время сибиряковской экспедиции в 1894–1896 годах. В последнем разделе помещены песни «Зима», «Наступление лета», «О происхождении человека», «Песня на кумысном пиру». Последняя песня представляет собой текст, вероятнее всего, благопожелания *алгыс*, исполняемого в начале кумысного праздника. В сборник включены две статьи Ястремского, во второй из которых («Остатки старинных верований якутов») среди описаний разных обрядов, есть и описание обряда вешания веревки гению<sup>1</sup> урочища. В связи с этим обрядом исследователь упоминает о круговом танце: «Затем встают и танцуют – все, взявшись за руки, ходят хороводом и поют. Один выступает запевалой, а все другие подхватывают его песню и поют за ним» [21, с. 208]. После описания данного хоровода он приводит текст песни, в котором есть обороты, характерные для кругового танца. Эта песня под названием «Старинный танец» повторно была опубликована в 1977 году в собрании «Саха народной ырыалара» («Якутские народные песни»), во втором томе «Үлэ-хамнас, олох-дьаһах туһунан ырыалар» («Песни о труде и быте») под редакцией Г. У. Эргиса.

Первые нотные образцы якутского фольклора принадлежат не только уже упоминавшемуся А. Ф. Миддендорфу [11, с. 808], записавшему пение во время коллективной пляски, но также В. Л. Серошевскому, зафиксировавшему отрывок из якутского олонхо «Песня девушки» [16, с. 571], и члену Сибиряковской экспедиции Н. А. Виташевскому<sup>2</sup>. Первые аудиозаписи якутского фольклора принадлежат В. И. Иохельсону и датируются 1902 годом. Его материалы хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в коллекции № 029.

<sup>1</sup> У С. В. Ястремского слово «гений» является синонимом слов «божество», «дух».

<sup>2</sup> Материалы Н. А. Виташевского еще не опубликованы. В книге Г. У. Эргиса [20, с. 74] написано, что эти материалы хранятся в архиве Иркутского краевого музея, д. 102, с. 108.

Следующий собиратель Я. Строжецкий в 1903 году первым записал на фонограф напевы колымских якутов. Эти материалы также хранятся в фонограммархиве ИРЛИ в коллекции 032. По собранным материалам Я. Строжецкого русский географ, антрополог, этнограф Д. Н. Анучин написал статью «О применении фонографа к этнографии и, в частности, о записи шаманского камлания в Средне-Колымске, Якутской области». В статье приводится подробное описание истории записи Я. Строжецким шаманского камлания в Средне-Колымске Якутии [1, с. 269–284], прилагаются нотные записи, выполненные по фономатериалам Я. Строжецкого фольклористом А. Л. Масловым [1, с. 297–300]. После нотных фрагментов автор нотировок дает краткий анализ якутских напевов [1, с. 301]. Он указывает на то, что не все записи можно перевести на пятилинейную систему, поэтому для нотирования были избраны отдельные образцы. А. Л. Маслов дает заглавие нотному приложению «Заклинания “ОЛОНГО” якутских шаманов». К сожалению, из четырех нотированных фрагментов слова подписаны только в последнем образце. Таким образом, по данным материалам невозможно определить жанр образцов. В приложение также включены тексты песен якутских казаков и материалы по фольклору якутов, среди которых имеется отрывок благопожелания *алгыс* («Кумысовая песня») во время праздника ысыах.

Дореволюционный этап якутской фольклористики безусловно является одним из самых интересных. Краткий анализ литературы показывает, что основоположниками являются собиратели и исследователи – выходцы из европейской части России и Европы. Благодаря их деятельности началось описание особенностей бытования, фиксация вербальных текстов кругового танца *оһуохай*. Также к этому времени принадлежит первая попытка нотирования напева якутского хоровода, выполненная А. Ф. Миддендорфом. По этим трудам можно черпать информацию описательного характера, и делать выводы по терминологии.

Ученые, воспитанные в русских традициях, явления якутского народного творчества описывали в терминах русской, а иногда и европейской фольклористики. Так якутский *осуохай* в исследованиях XIX – начала XX веков назван



как «круговой танец» (А. Ф. Миддендорф), «танец» (Я. И. Линденау, Р. К. Маак, С. В. Ястремский), «хоровод» (И. А. Худяков, С. В. Ястремский), «хороводная песня» (В. Л. Серошевский), «игра» (И. А. Худяков). Помимо терминов, характерных для русской фольклористики, по всей вероятности в рукописи Я. И. Линденау были и европейские (немецкие) термины, которые были переведены в 1983 году З. Д. Титовой как «круговой танец», «танец». Однако, уже с первого описания якутского кругового танца, встречается и этническое название: в трудах Я. И. Линденау, Р. К. Маака – якутский термин «үңкүү», в работе И. А. Худякова – «үңкүү үңкүүлүүлэр» («танцуют танец» – *пер. А. Т.*), термин «үңкүү тоһоһото», относящийся к круговому танцу. В его труде также встречается слова «этээчи» («говорящий», «запевающий» – *пер. А. Т.*) и «бастың үңкүүһүт» («лучший танцор» – *пер. А. Т.*), которые также относятся к этническим терминам якутского кругового танца. В словаре Э. К. Пекарского слово «үңкү» переводится как «пляска», «танец». Здесь же он приводит этнический термин «Былыргы үңкү» и описание танца: «Старинная пляска, участники которой сцепляются за руки указательными пальцами и, плавно размахивая под ритм

песни, медленно прискакивают» [14, с. 3130]. В названиях текстов кругового танца А. Ф. Миддендорфа встречается слово «Төгүл». В словаре якутского языка Э. К. Пекарского слово «төгүл» переводится как «очередь», «череда», «порядок», «последовательность одного за другим». Также данное слово может переводиться как «глава», «часть» в книгах. В словаре объясняется, что данное слово может применяться для определения тем песен, например, как «песня о ...» и в качестве примера приводит этнические названия песен и их переводы: «ысыах төгүлэ» – «об ысыахе», «от төгүлэ» – «о траве», «мас төгүлэ» – «о дереве» [14, с. 2761].

Примечательно, что в дореволюционной литературе ни разу не встречается современное название якутского кругового танца «оһуохай». Данное слово в варианте «эһиэкэй» впервые появится в 1947 году в труде Д. К. Сивцева «Саха фольклора» («Якутский фольклор»). После этого термин появится у музыковедов и только потом у фольклористов. Вполне возможно, что в советский период на основе бытовавших в старину заклинательных и ритуальных круговых танцев появляется новая разновидность песни-танца, получившая название «Осуохай».

#### Литература

1. Анучин Д. Н. О применении фонографа к этнографии, и в частности, о записи шаманского камлания в Средне-Колымске, Якутской области. С приложением якутских песен по фонографическим записям Я. Строецкого // Тр. Музык.-этнограф. комиссии, состоящей при этнограф. отд. ИОЛЕАиЭ. – М., 1911. – Т. 2. – С. 269–301.
2. Архив ЯФ СО АН СССР. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 133.
3. Емельянов Н. В. Изучение якутского фольклора после Октября // *Вопр. филол.: по мат-лам юбилейной сес., посвящ. пятидесятилетию Октябр. революции.* – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970. – С. 36–40.
4. Емельянов Н. В. 40 лет изучения якутского фольклора // *Докл. на XIV науч. сес.: язык, литература, история.* – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. – С. 79–86.
5. Ефимова Л. С. Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири: классификация, общая характеристика. – Новосибирск: Наука, 2013. – 178 с.
6. Илларионов В. В. Фольклористика Якутии: Итоги и проблемы // *Байкал. встречи III: культуры народов Сибири: мат-лы III Междунар. науч. симп.* – Улан-Удэ, 2001. – Т. 1. – С. 43–50.
7. Илларионов В. В. Фольклористика Якутии: на пороге XXI века // *Проблемы формирования культурного пространства Якутии на рубеже третьего тысячелетия.* – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. – С. 195–204.
8. Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. – 132 с.
9. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): истор.-этнограф. мат-лы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. – 176 с.
10. Маак Р. К. Вилюйский округ Якутской области. – СПб.: Тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1887. – Ч. 3. – 192 с.

11. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. – СПб., 1878. – Ч. II. отд. VI: Коренные жители. – С. 619–833.
12. Никифоров В. М. Фольклорная работа в ИЯЛИ и проблемы изучения устной традиции в республике // 60 лет науч. поиска: сб. науч. тр. – Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. – С. 50–62.
13. Новгородова Е. С. К вопросу о якутской фольклористике // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. – Л., 1969. – С. 131–137. – (Уч. зап. ГПИ им. А. И. Герцена; Т. 383).
14. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Л., 1927. – Вып. 10 (та – туор). – С. 2509–3858.
15. Серошевский В. Л. О якутской песне и певцах // Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО. – Иркутск, 1893. – Т. 24, № 2. – С. 46–55.
16. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.
17. Худяков И. А. Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. – Иркутск, 1890. – 207 с.
18. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа / под ред. чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанова. – Л.: Наука, 1969. – 440 с.
19. Щукин Н. С. Поездка в Якутск. – СПб.: Тип. Кондара Вингебера, 1833. – 231 с.
20. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 404 с.
21. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 226 с. (Тр. комис. по изучению Якут. АССР; Т. 7).

#### References

1. Anuchin D.N. O primeneniі fonografa k etnografii [Using of Phonograph in the Ethnography]. *Trudy Muzykal'no-etnograficheskoi komissii [Works of the Musical-Ethnographic Committee]*. Moscow, 1911, vol. 2, pp. 269–301. (In Russ.).
2. Arkhiv IaF SO AN SSSR [Archive of YaF SB AS USSR]. f. 5, inv. 1, d. 103, p. 133. (In Russ.).
3. Emel'ianov N.V. Izuchenie iakutskogo fol'klora posle Oktiabria [Studying of Yakut Folklore after the October Revolution]. *Voprosy filologii [Questions of Philology]*. Yakutsk, Yakut. Publ., 1970, pp. 36–40. (In Russ.).
4. Emel'ianov N.V. 40 let izucheniia iakutskogo fol'klora [40 years of Studying of Yakut folklore]. *Doklady na XIV nauchnoi sessii: iazyk, literatura, istoriia [Lectures on the XIV Scientific Session: Language, Literature, History]*. Yakutsk, Yakut. Publ., 1964, pp. 79–86. (In Russ.).
5. Efimova L.S. Algys sakha (iakutov) v svete fol'klornykh traditsii tiurko-mongol'skikh narodov Sibiri: klassifikatsiia, obshchaia kharakteristika [The Algys of Sakha People in the Context of Turk-Mongolian Peoples of Siberia: Classification, General Characteristic]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013. 178 p. (In Russ.).
6. Illarionov V.V. Fol'kloristika Iakutii: Itogi i problemy [Folkloristics in Yakutia: Results and Problems]. *Baikal'skie vstrechi III: kul'tury narodov Sibiri. Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo Simpoziuma [Baikal's Meetings III: Culture of Peoples in Siberia. Materials of 3rd International Scientific Symposium]*. Ulan-Ude, 2001, vol. 1, pp. 43–50. (In Russ.).
7. Illarionov V.V. Fol'kloristika Iakutii: na poroge XXI veka [Folkloristics in Yakutia: on the Turn XXI Century]. *Problemy formirovaniia kul'turnogo prostranstva Iakutii na rubezhe tret'ego tysiacheletiiia [Problems of Genesis of Cultural Area in Yakutia on the Turn of the Century]*. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat Publ., 2003, pp. 195–204. (In Russ.).
8. Kolleksiі narodov Severa v Fonogrammarkhive Pushkinskogo Doma [Collections of Peoples of North in the Phonogram-archive of Pushkin's house]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg University Publ., 2005. 132 p. (In Russ.).
9. Lindenau Ia.I. Opisanie narodov Sibiri [Description of Peoples of Siberia]. (Russ. ed. Z.D. Titova). Magadan, Magadan Publ., 1983. 176 p. (In Russ.).
10. Maak R.K. Viliuiskii okrug Iakutskoi oblasti [Viliysk District of Yakutia Region]. St. Petersburg, Printing-house and chromolithography of A. Transhely, 1887, vol. 3. 92 p. (In Russ.).
11. Middendorf A.F. Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Ch. II, sec. VI. Korennye zhiteli [Travel to the North and East of Siberia. Vol. II, sec. VI. Indigenous]. St. Petersburg, 1878, pp. 619–833. (In Russ.).
12. Nikiforov V.M. Fol'klornaia rabota v IIAI i problemy izucheniia ustnoi traditsii v respublike [Folklore Work in the Institute of Yakut Literature and Problems of Studying of Oral Tradition in the Republic]. *60 let nauchnogo poiska [60 Years of Scientific Search]*. Yakutsk, 1995, pp. 50–62. (In Russ.).

13. Novgorodova E.S. K voprosu o iakutskoi fol'kloristike [To a Question about Yakut's Folkloristics]. Leningrad, 1969, pp. 131–137. (In Russ.).
14. Pekarskii E.K. Slovar' iakutskogo iazyka. Vypusk 10 (ta – tuor) [Dictionary of the Yakut Language. Vol. 10 (ta – tuor)]. Leningrad, 1927, pp. 2509–3858. (In Russ.).
15. Seroshevskii V.L. O iakutskoi pesne i pevtsakh [About Yakut Song and Singers]. *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO [Proceedings of the East-Siberian Department of Imperial Russian Geographical Society]*. Irkutsk, 1893, vol. 24, no 2, pp. 46–55. (In Russ.).
16. Seroshevskii V.L. Iakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniia [The Yakut People. Experience of Ethnographic Research]. Moscow, 1993. 736 p. (In Russ.).
17. Khudiakov I. A. Verkhoianskii sbornik [Collection of Verkhoyansk District]. Irkutsk, 1890. 207 p. (In Russ.).
18. Khudiakov I.A. Kratkoe opisaniie Verkhroianskogo okruga [Short Description of Verkhoyansk District]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 440 p. (In Russ.).
19. Shchukin N.S. Poezdka v Iakutsk [Trip to Yakutsk]. St. Petersburg, Printing-house of Kondar Vingeber, 1833. 231 p. (In Russ.).
20. Ergis G.U. Ocherki po iakutskomu fol'kloru [Essays about the Yakut Folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 404 p. (In Russ.).
21. Iastremskii S.V. Obraztsy narodnoi literatury iakutov [Samples of Folklore Literature of Sakha People]. Leningrad, SA SSSR Publ., 1929. 226 p. (In Russ.).